



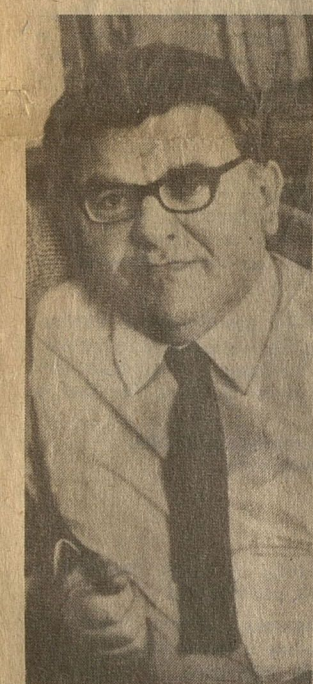
Рисунок Валентина ПЕТУХОВА.

Виктор ДУВАКИН—Иван ГРОНСКИЙ:

Веч. клуб. 1993. 10 июля. с. 4.

Накануне трагедии

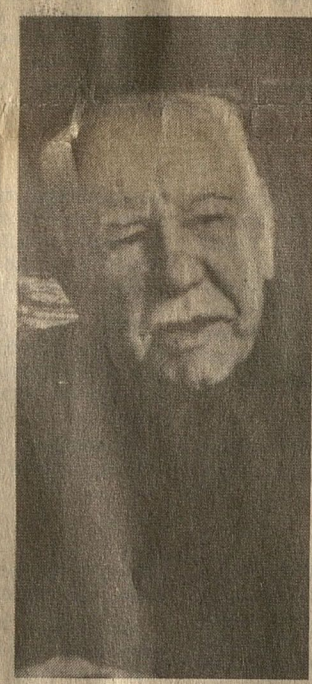
О причинах самоубийства «лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи»



Провозглашенный Сталиным «лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи» Владимир Владимирович Маяковский надолго был зачислен в разряд канонизированных авторов, чье творчество не только изучали, сколько «проходили» в школах и институтах. По горькому замечанию Б. Пастернака, «Маяковский стоило вводить в учебники, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповиновен».

А между тем при жизни Маяковский имел огромную аудиторию. Поэт трагический, обладавший необычайным лирическим даром, он еще не оценен по достоинству. Его жизнь — при всей внешней целостности — полна противоречий. До сих пор не прояснились обстоятельства, предшествовавшие его гибели.

Сегодня «Вечерний клуб» публикует фрагменты диалога о Маяковском, записанного на магнитофонную пленку в 1974 году. Несколько слов о собеседнике — тех, кто ведет этот диалог. Один из них — Иван Михайлович Гронский (1894—1985). Он был заместителем, а затем главным редактором газеты «Известия» в 1925—1934 гг., где Маяковский часто публиковал свои стихи, начиная с знаменитого «Прозаседавшего». Убежденный большевик, И. М. Гронский находился в то время в центре политических и культурных событий. По воспоминаниям Андрея Белого, он «был горяч, правдив и неподкупно честен». Тем не менее (а может быть, именно поэтому) в 1938 году Гронский был арестован по ложному обвинению в принадлежности к правой оппозиции и отправлен Сталиным сначала в лагерь под Воркуту, а затем в ссылку в Карагандинскую область. Реабилитирован в 1954 году. Шестнадцать лет репрессий не сломили Гронского, но поколебали его



убеждений. Современный читатель, возможно, не согласится с какими-то его суждениями, но не нужно забывать, что это свидетельства очевидца, передающие атмосферу того времени.

Не менее интересен и его собеседник — литературовед Виктор Дмитриевич Дувакин (1909—1982). Он известен не только как серьезный исследователь жизни и творчества Маяковского, но и как человек, проявивший немалое гражданское мужество в критической ситуации. В 1966 году он неожиданно для многих выступил на печально известном суде в защиту своего бывшего ученика Андрея Синявского, после чего был вынужден оставить педагогическую деятельность и заняться научно-исследовательской работой.

В конце 60-х годов В. Д. Дувакин начал записывать на магнитофон неопубликованные воспоминания современников о жизни Маяковского. Это была самостоятельная работа по восстановлению нашей историко-культурной экологии, ибо в необычной коллекции фонозаписей В. Д. Дувакина оказались уникальные материалы к биографии не только Маяковского, но и многих поэтов, писателей, художников, музыкантов первой половины XX века, чьи имена в те годы были «закрыты» для широкого круга читателей. Именно он положил начало отделу документации МГУ, в котором сегодня более 1000 единиц хранения.

«Живой», т. е. переписанный с магнитофонной пленки диалог В. Дувакина и И. Гронского о Маяковском публикуется с некоторыми (несущественными для содержания) изменениями и с минимальным редактированием, чтобы по возможности сохранить своеобразие первоисточника — устной беседы.

Валентина ТЕЙДЕР, зав. отделом фондоохраны МГУ.

К 100-летию Маяковского

— Пожалуйста, Иван Михайлович. — Так, я думаю, что сегодня я расскажу о встречах с Маяковским в последние годы его жизни, о встречах наиболее интересных, значительных... — Почему? Все давайте, все, что помните. — Ну, видите ли, если говорить обо всем, то... много мелочей. Они, собственно говоря, едва ли кого будут интересовать. — А мы не знаем, какая мелочь заинтересует через 25—30 лет. — Хорошо. Я расскажу, а потом вы будете задавать вопросы, и кое-что вспомним из мелочей. А сейчас мне хотелось бы рассказать о встречах, которые, на мой взгляд, довольно полно, если хотите, характеризуют Маяковского того времени, его настроение. Одна из таких встреч произошла в доме Горького, на одном из банкетов художников. Я заказал ужин... Приходит Маяковский. Он поздравляет со мной, я предложил ему сесть. Маяковский не сел, топтался на месте, жевал папиросу. Я говорю: «Какую муху вас укусила?» — «А что такое?» — «Вы же явно в расстроенных чувствах». — Перекинулись несколькими словами, и неожиданно Маяковский меня спрашивает: «Скажите, Иван Михайлович, будете вы меня печатать?». Я говорю: «Владимир Владимирович, приходите ко мне в «Известия», домой, если хотите, приходите, и мы с вами посидим, поговорим. Приносите все, что вы написали, прочитаем, обсудим и решим, что, где и как надо печатать». Он продолжал стоять, продолжал топтаться на месте. Я говорю: «Знаете, Владимир Владимирович, а может быть, вам стоило бы отдохнуть? Поезжайте-ка куда-нибудь... Я вам дам командировку, деньги, все вам устрою, что необходимо». — «Нет, я не поеду никуда», — отвечает Маяковский. Я говорю: «Может быть, стоит поехать за границу? Я вам командировку за границу дам». — «Никуда не поеду. Никуда, никуда не поеду», — такой был ответ Маяковского. И сколько я его ни уговаривал поехать куда-нибудь... — Можно несколько вопросов? — Пожалуйста.

— Во-первых, вы не помните, какое это время было? — По-видимому, это была зима 29-го года.

— Второй вопрос. А почему вы задали ему этот вопрос? До вас какие-нибудь слухи доходили о неприятностях его?

— Во-первых, доходили слухи. Мне говорили его друзья о том, что он болен, что он в очень тяжелом таком нервном состоянии. Об этом мне говорил Николай Николаевич Асеев, об этом говорил мне Борис Леонидович Пастернак, об этом говорил Каменский...

— И по лицу, и по поведению — по всему... Я понял, что надо как-то устроить ему отдых. Причем я особенно настаивал на каком-нибудь санатории. В этом случае я договорился бы с врачами, чтобы они серьезно занялись, не говоря ничего Маяковскому. Но он насчет отказался.

— А если бы вы ему дали командировку за границу, то виза ГПУ обязательно должна была бы быть или нет? Без этого он мог бы поехать по вашей командировке?

— Видите ли, виза... виза, конечно, должна была быть. Устроить командировку и визы мне было более чем легко: я просто позвонил бы Ягоде, мы с ним на Совнаркоме рядом сидели, дружили. Я бы сказал: «Генрих Григорьевич, надо дать Маяковскому разрешение на поездку за границу». И это было бы достаточно, чтоб все остальные организации согласились и дали разрешение на поездку за границу. В Наркоминделе позвонили бы Литвинову: «Максимиан Михайлович, надо это сделать». И это было бы сделано. Допустим на одну минуту, что одно из учреждений, которые должны были дать разрешение на поездку Маяковского за границу, одно из учреждений задержалось, стало бы возражать. Тогда я позвонил бы по вертушке 1—2—2 и сказал: «Иосиф Виссарионович, вот я хочу направить Маяковского за границу, он болен. Надо дать ему возможность передохнуть и отдохнуть». Я получил бы ответ: «Дайте распоряжение от моего имени, чтоб это было сделано. Немедленно». И все.

— У вас тогда были такие отношения? — Да. У меня было достаточно власти, чтоб эти вещи устроить без всякой волокиты. — Видите ли, существует версия, что он хотел в 29-м году ехать за границу и ему отказали в визе... — Ко мне по этому вопросу Владимир Владимирович не обращался.

— Говорят, что одной из решающих причин гибели было то, что он был влюблен в Татьяну Яковлеву, хотел к ней поехать, и ему не дали визу. Причем виноват в этом Агранов. Агранов был близок к Лине Юрьевне — и в этом все дело. И по этому поводу развили целые теории и пишут, пишут, пишут мемуары. Я вел записи с Лией Юрьевной... Я спросил, как она считает. Она сказала: «Прежде всего, этого не было. Если Б. Маяковский хотел поехать, он бы поехал... У него в это время уже был роман с Вероникой Витольдовной Полонской, которая мне тоже о попытке уехать за границу ничего не говорила... Давайте продолжим».

— Я продолжу. Видите ли, должен в связи с этим сказать, что к Маяковскому отношение руководства партии и Советского государства было положительное. И всемерно, и всячески шли ему навстречу. Вообще отношение к писателям было очень терпимым, положительным. Мы прекрасно знали, что очень много старых писателей держат нейтралитет в той борьбе, которая тогда шла, классовой борьбе. И мы поэтому всемерно стремились перевести их на советские позиции, но, конечно, не методами принуждения, а методами убеждения. Так сказать, относились к ним весьма деликатно. К Маяковскому особенно. Даже те люди из старых большевиков, которые относились к нему, к его творчеству отрицательно, даже и те не стали бы мешать ему в поездке за границу.

— Вопрос. — Пожалуйста.

— Когда вы говорили об отношении к Маяковскому в кругах, то, может быть, вы прямо скажете, о ком вы говорили. Ведь были разные люди. И официальная позиция к Маяковскому такая, какая была после того, как Ста-

лин о нем сказал, не было. Были разные мнения. И он мог воспринимать один, другие. Это очень интересно.

— Видите ли, тут два вопроса. Один вопрос — отношение старых большевиков к творчеству Маяковского. Оно было и осталось отрицательным... Это люди, воспитанные на традиции классической литературы, они не принимали, как, скажем, и Владимир Ильич Ленин, и все окружение Ленина, не принимали футуризм, кубизм, все формалистические течения, относились к ним отрицательно.

— Значились сюда Маяковского. — Значились сюда и Маяковского. Это один вопрос. Другой вопрос. Маяковский выступал как поэт революционный, с позиций, скажем, ошибочных, футуристических. Но он выступал за революцию. И в той борьбе, которую тогда партия вела, это поведение Маяковского было положительным и расценивалось положительно. Маяковскому политическое доверие. Довольно, если хотите, все члены Политбюро ЦК.

— Да. Все члены правительства. В политическом поведении Маяковского никто не сомневался. Никто. Даже, скажем, Воронский, который относился к нему отрицательно, даже Полонский, который к нему относился отрицательно. Никому в голову не могло прийти, что Маяковский, уехав за границу, будет работать против партии большевиков, против Советской власти. Такая мысль в голову не могла прийти никому.

— Да такая и не приходила мысль. Тут, понимаете, подоплека совершенно другая. — А именно? — А именно: считается так, что Брики — Лия Юрьевна и Осип Максимович, которые были близки с Аграновым, с Ягодой и т. д., что они воспротивились, потому что он хотел жениться на Татьяне Яковлевой. Вот что было такое не произошло, его не выпустили за границу.

— Дело, видите ли, в том... Я Агранова лично знаю хорошо. — Это достаточно образованный, интеллигентный человек, интересовавшийся литературой, по характеру очень мягкий, очень мягкий. В политической борьбе он человек твердый, крепкий, решительный. Но он был категорически против каких-либо необоснованных репрессий, каких-либо незаконных действий. Это человек школы Дзержинского: такого же благородства, такой же вдумчивости. И он прекрасно отдавал отчет в том, какую роль должно играть ОГПУ: репрессии по врагам, но не по друзьям.

— Как же «вешаются», когда? — Ну да: «На Сереньку бабы вешались...» — он сказал в прошедшем времени. «На Сереньку бабы вешались, а от меня бежали и бегут. Я, — говорит, — не понимаю, почему. Эта тема, мужская тема, она заняла довольно много времени. Я говорю: «Не может быть, чтобы вы с девушкой бежали». И нет, — говорит, — бегут». Вот... он укажет за такой-то, за такой-то... он даже называл имена. И что вот личный жизни ему так устроить и не удалось. Собственно, семьи, он говорит, у меня нет. «Я связан с Брикми, но это больше дружба, чем, собственно говоря, любовь. Как-то другая форма близости». Заговорили мы о Яковлевой. Я знал от Василия Каменского о том, что он познакомился в Париже с Татьяной Яковлевой. Она на него произвела очень большое впечатление, словом, влюбился в нее. И, что называется, влюбился по уши. И он сделал ей предложение. Это вы знаете?

— Знаю. — Причем она ему отказала сразу. Он ей много обещал. Она ему отказала. Тогда он уехал в Ниццу. Так мне Вася Каменский рассказывал. Приехал вторично в Париж. Вторично делал предложение ей. Ну, словом, предложение Татьяна Яковлева он повторил три раза. И получил трижды отказ... И когда Маяковский заговорил... о том, что ему да любви не везет и когда называл имена девушек, за которыми ухаживал, фамилий я их конечно, не помню, и меня это мало занимало, он называл и Яковлеву. Вот что он ушел в Париже, влюбился, что называется, по уши в Яковлеву...

— Он такого выражения не употреблял? — По-моему, употреблял. Или прямо «по уши», или какое-то другое, именно такое...

— Слово «влюбился»? — Да... — «влюбился», «любил», «люблю» и т. д. — эти слова он употреблял. Он сказал больше: он сделал предложение повторное, и что она ему отказала. «Вот видите, как мне не везет». Ну, он говорил, может быть, в другой форме, но смысл я передаю: она знала, что я выдающийся поэт, что у меня в Советском Союзе уйма поклонников, что слава у меня, так сказать, большая и что меня везде принимают как большого поэта. Но, говорит, несмотря на все это, я получил отказ. И еще он мне сказал, что он внес в цветочный магазин деньги на год вперед. Уезжая из Парижа, он внес в магазин деньги, в цветочный, чтоб ей ежедневно присылали цветы. Ну, сколько это стоило?.. Даже назвал сумму, я ее не помню. И когда Маяковский покончил жизнь самоубийством, я вспомнил этот разговор. Татьяна Яковлева получила цветы, если только она оставалась в Париже. Она к тому времени уже вышла замуж. Если она оставалась в Париже, то она получала цветы от Маяковского после его смерти.

— Это известно. — Этот факт известен? — Известен. Вы не читали об этом ничего? — Нет, не читал. Мне рассказывали, но помню то, что Татьяна Яковлева вышла замуж. Это произошло до самоубийства Маяковского. И я подозреваю, что это сообщение о том, что вышла замуж Татьяна Яковлева, Маяковского окончательно, что называется, убilo.

— Оно было еще в 29-м году. — А? — Ну, оно было, это сообщение, еще раньше. — Оно, как раньше? Это был конец 29-го, или начало 30-го года... Мне Каменский говорил и Асеев, что Маяковский пережил это сообщение, страшно нервничал.

Уже после самоубийства Маяковского, мне сообщил Каменский: когда готовили выставку, Маяковский обратился к нему с вопросом: «Вася, а где плакаты какие-то? Нардо было бы их выставить». Каменский ему ответил: «Володя, они у меня на Камеке». — «Съезди, привези». Он говорит: «Володя, зачем? Будет еще какая-нибудь выставка, тогда все соберем». Он говорит: «Если бы ты знал, то ты бы поехал». После этого, прибывая какой-то плакат, какую-то вещь, Маяковский поднимается по стремянке, достает из кармана пистолет и передает Каменскому: «Вася, — говорит, — подержи». И остановился уже на стремянке и говорит: «Вот этот пистолет сейчас (он говорил «револьвер») ничего не значит. Пройдет немного времени — за него будут бороться все музеи». Ну, при этом самый плакат, спустившись, ему Каменский передал пистолет, ничего не подозревая, так сказать, не понимая этих прямых

Кандидского и других... Но ведь у искусства изобразительного задача другая: изображение действительности во всех ее существенных проявлениях. А в литературе вы, футуристы, сбиваетесь на литературу факта, т. е. описание того, что есть. Но это же натурализм. А большевики никогда не поддерживали натуралистических течений в эстетике. Они всегда стояли на позициях реализма, и с позиций реализма ни один эстетически художественно грамотный большевик никогда не сошел.

— Он что-нибудь возражал? — Что? — Он как-нибудь реагировал? — Да. Конечно... Маяковский возражал тем, что он, во-первых, классиков не отрицает, он считает необходимым классиков наследовать и, так сказать, их традиции развивать. «Все положительное, что было в искусстве изобразительном, все положительное, что было в литературе художественной, надо беречь и надо развивать. Это традиции народа русского, и они мне близки и дороги. Но сейчас время такое, кипитое, тяжелое, когда вопрос стоит о жизни и смерти революции. Поэтому надо поэта быть агитатором, мобилизовать массу, народ, потому что мы одни, а кругом океан враждебных сил, и внешних, и внутренних. Так что, поймите, почему я именно так работаю, а не по-другому. Может быть, кое-какие вы правы. — Маяковский говорил. — Это надо основательно продумать. Кстати, я уж не такой большой знаток философии...». В общем, разговор у нас был товарищеский, дружеский. И я выступал очень мягко, и он. Так что не было какого-то... ну, что ли... грубого спора...

— Полемика. — Он полемика даже речи не шло. Было стремление выяснить позиции друг друга, что нас объединяет и что, так сказать, нам нужно еще доработать, продумать. Ну вот. Это была очень интересная беседа, повторю, очень длительная, на улице во время прогулки. И вот во время этой беседы Маяковский заговорил о том, что ему не везет в любви. Он такую фразу пустил: «На Сереньку бабы вешаются, а от меня бегут». Серенька — это Есенин.

— Как же «вешаются», когда? — Ну да: «На Сереньку бабы вешались...» — он сказал в прошедшем времени. «На Сереньку бабы вешались, а от меня бежали и бегут. Я, — говорит, — не понимаю, почему. Эта тема, мужская тема, она заняла довольно много времени. Я говорю: «Не может быть, чтобы вы с девушкой бежали». И нет, — говорит, — бегут». Вот... он укажет за такой-то, за такой-то... он даже называл имена. И что вот личный жизни ему так устроить и не удалось. Собственно, семьи, он говорит, у меня нет. «Я связан с Брикми, но это больше дружба, чем, собственно говоря, любовь. Как-то другая форма близости». Заговорили мы о Яковлевой. Я знал от Василия Каменского о том, что он познакомился в Париже с Татьяной Яковлевой. Она на него произвела очень большое впечатление, словом, влюбился в нее. И, что называется, влюбился по уши. И он сделал ей предложение. Это вы знаете?

— Знаю. — Причем она ему отказала сразу. Он ей много обещал. Она ему отказала. Тогда он уехал в Ниццу. Так мне Вася Каменский рассказывал. Приехал вторично в Париж. Вторично делал предложение ей. Ну, словом, предложение Татьяна Яковлева он повторил три раза. И получил трижды отказ... И когда Маяковский заговорил... о том, что ему да любви не везет и когда называл имена девушек, за которыми ухаживал, фамилий я их конечно, не помню, и меня это мало занимало, он называл и Яковлеву. Вот что он ушел в Париже, влюбился, что называется, по уши в Яковлеву...

— Он такого выражения не употреблял? — По-моему, употреблял. Или прямо «по уши», или какое-то другое, именно такое...

— Слово «влюбился»? — Да... — «влюбился», «любил», «люблю» и т. д. — эти слова он употреблял. Он сказал больше: он сделал предложение повторное, и что она ему отказала. «Вот видите, как мне не везет». Ну, он говорил, может быть, в другой форме, но смысл я передаю: она знала, что я выдающийся поэт, что у меня в Советском Союзе уйма поклонников, что слава у меня, так сказать, большая и что меня везде принимают как большого поэта. Но, говорит, несмотря на все это, я получил отказ. И еще он мне сказал, что он внес в цветочный магазин деньги на год вперед. Уезжая из Парижа, он внес в магазин деньги, в цветочный, чтоб ей ежедневно присылали цветы. Ну, сколько это стоило?.. Даже назвал сумму, я ее не помню. И когда Маяковский покончил жизнь самоубийством, я вспомнил этот разговор. Татьяна Яковлева получила цветы, если только она оставалась в Париже. Она к тому времени уже вышла замуж. Если она оставалась в Париже, то она получала цветы от Маяковского после его смерти.

— Это известно. — Этот факт известен? — Известен. Вы не читали об этом ничего? — Нет, не читал. Мне рассказывали, но помню то, что Татьяна Яковлева вышла замуж. Это произошло до самоубийства Маяковского. И я подозреваю, что это сообщение о том, что вышла замуж Татьяна Яковлева, Маяковского окончательно, что называется, убilo.

— Оно было еще в 29-м году. — А? — Ну, оно было, это сообщение, еще раньше. — Оно, как раньше? Это был конец 29-го, или начало 30-го года... Мне Каменский говорил и Асеев, что Маяковский пережил это сообщение, страшно нервничал.

Уже после самоубийства Маяковского, мне сообщил Каменский: когда готовили выставку, Маяковский обратился к нему с вопросом: «Вася, а где плакаты какие-то? Нардо было бы их выставить». Каменский ему ответил: «Володя, они у меня на Камеке». — «Съезди, привези». Он говорит: «Володя, зачем? Будет еще какая-нибудь выставка, тогда все соберем». Он говорит: «Если бы ты знал, то ты бы поехал». После этого, прибывая какой-то плакат, какую-то вещь, Маяковский поднимается по стремянке, достает из кармана пистолет и передает Каменскому: «Вася, — говорит, — подержи». И остановился уже на стремянке и говорит: «Вот этот пистолет сейчас (он говорил «револьвер») ничего не значит. Пройдет немного времени — за него будут бороться все музеи». Ну, при этом самый плакат, спустившись, ему Каменский передал пистолет, ничего не подозревая, так сказать, не понимая этих прямых

намеков на самоубийство... И еще одно свидетельство в связи с этим. Кто мне передавал, я не помню, что К. М. не приехала из Ленинграда какая-то женщина, звали к нему, и он просил ее побыть с ним. Но у нее были какие-то дела, она не могла остаться у Маяковского. Она собралась уходить. Тогда он просил звонить ему через каждые десять минут. Она ему вначале позвонила минут через 10—15. Потом она ему звонила через полчаса. И дальше последовало самоубийство. Ну как проходило, это вы знаете, конечно. Визит Полонской. Когда он ее упрямивал остаться.

— В каком варианте вы услышали об этом? — Когда Маяковский лежал в гробу, мне рассказывали... — там были... Каменский, Асеев, другие друзья Маяковского... — и кто-то из них мне рассказывал, что, когда Полонская к нему пришла, она застала его в жутком состоянии, таком нервном, и даже она испугалась его. Ну, прошло некоторое время, она собралась уходить. Маяковский чуть ли не на коленях упрямивал ее остаться. И сказал ей: «Поймите, вы мне нужны не как женщина, я боюсь самого себя. Останьтесь. Останьтесь». Видимо, вид у него был жуткий. Полонская его испугалась, кинулась к двери — и в это время раздался выстрел. Вот то, что мне рассказывали.

— Тогда? — Да. Это мне рассказывали... я ведь был членом комиссии по похоронам, и это мне рассказывали во время моего дежурства у гроба Маяковского. Но я забежал вперед. День самоубийства... Дело, видите ли, в том, что я участвовал во всех заседаниях Политбюро ЦК, Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Обороны и т. д. — во всех. Я прямо с заседания приехал в «Известия».

— С заседания утренняя или вечерняя? — Вечерняя. Примерно часов в 11 я приехал в «Известия». Я узнал о самоубийстве Маяковского на заседании... Мне передали записку, или подошел сказал о самоубийстве Маяковского Могильный, помощник Молотова. И об этом сказал мне Ягода. Мы с ним сидели так в стороне у окна рядышком. Он меня спросил, знаю ли я о самоубийстве Маяковского. Я говорю, что вот мне Могильный сказал. Ну он мне рассказал кое-какие подробности, которые сейчас уже не сохранились в памяти. В общем, у меня был с ним разговор.

— С Ягодой? — С Ягодой. — В самый день самоубийства? — Да. И он меня информировал об обстоятельствах самоубийства Маяковского. В каких словах?.. Ну, асего же не упомянуть, вы же сами понимаете... Вот, собственно говоря, с такой информацией я приехал в «Известия». И, естественно, сразу же я спросил, чтоб мой помощник собрал материалы о самоубийстве Маяковского, которые поступили в редакцию. Он мне сказал: «Иван Михайлович, у вас на столе лежат все материалы. Мы, отделы и члены редколлегии, не решимся сдавать в набор что-либо о самоубийстве Маяковского до вашего приезда». И я стал читать те статьи и заметки, которые были положены мне на стол до моего приезда. Причем в статьях, я сейчас не помню авторов, по-моему, там были статьи и друзей Маяковского, все осуждали самоубийство и, собственно, поливали Маяковского грязью. Меня это возмутило. Я схватил статью и бросил в корзину. Я говорю: «Ничего не печатать против Маяковского! Передай (вызвал помощника своего), передай распоряжение, чтоб никто, ни одной заметки против Маяковского не было в газете печататься». И тут же я вызвал стенографистку и продиктовал ей статью. Она маленькая, поэтому я ее прочитаю.

«Пролетарский поэт. Умер Владимир Владимирович Маяковский. Обнаружена яркая, кипучая жизнь. Перестал работать мозг поэта-мыслителя, поэта-борца. Сейчас труднее дать оценку творчеству В. В. Маяковского. Однако можно сказать: наша пролетарская страна потеряла одного из крупнейших представителей художественной литературы. Однако Маяковский не только художник, но и боец, связавший свою судьбу с рабочим классом, вместе с ним борющийся за победу социализма. В годы гражданской войны стихами и плакатами, агитационной и организационной работой Маяковский помогал рабочему классу сокращать своих врагов. В годы мирного строительства Маяковский своей бордой сатирой помогал рабочему классу бороться с бюрократизмом, тупостью и неважностью. Свои устремления, свои думы В. В. Маяковский довольно хорошо выразил в одном из последних стихотворений:

Мне наплевать на бронзы многопудовые,
Мне наплевать на мраморную слезу.
Сочтемся славою — ведь мы свои же люди,
Пускай нам общим памятником будет
простой
в боях социализма».

В этом отрывке весь Маяковский, смелый, сильный, устремленный в будущее, а социализм. И не случайно даже в своем прощальном письме он оставил верен самому себе. Уходя из жизни и совершая поступок, чуждый мировоззрению рабочего класса, он сам осуждает этот поступок. Выстрел — это дань прошлому. Поэт до конца своих дней мужественно боролся за дело рабочего класса. Личная трагедия неслепло сломала его. Рабочий класс сохранит в своей памяти творчество Владимира Владимировича Маяковского.

Без подписи. Она шла передовой, т. е. выражающей мнение редакции. Была напечатана... шапка: «УМЕР ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ».

— Она так и была напечатана? — Да, напечатана без подписи в «Известиях» в номере от 15.04.30 года.

— Вы это прямо из газеты читали? — Прямо из газеты взял. Дословно. Ни одного звука не изменил. Причем выдал один секрет. Когда стенографистка принесла статью с машинки, я прочитал ее, отчеркнул, подписал... и позвонил Сталину, спросил его, знает ли он о самоубийстве Маяковского. «Да. Знаю». Я говорю: «Как будем освещать смерть Маяковского?». Он говорит: «Ка вы что предлагаете?». Я говорю: «Вот я только что продиктовал стенографистке маленькую статью, которую думаю пустить в редакцию в разрезе, где идут материалы о смерти Маяковского». Он: «Прочитай». И я по телефону прочитал эту статью. Сталин: «Хорошо. Великолпно. Вот это позиция Центрального Комитета, позиция Политбюро. Печатайте! Позвоните в ТАСС и «Правду». Передайте вот наш с вами разговор».

Та статья была пошла передовой, и все материалы, которые печатали «Известия» о смерти Маяковского, подбирались под этим углом зрения...

Была создана комиссия по похоронам Маяковского. Я был членом комиссии...

(Полностью с воспоминаниями И. М. Гронского можно ознакомиться в отделе фондоохраны Научной библиотеки МГУ).